

АДВОКАТСКИЙ ДЕТЕКТИВ

The background of the cover is a photograph of a woman with long, wavy red hair, wearing a dark blue blazer over a black top and a diamond necklace. She is looking directly at the camera with her hand near her face. The setting is an opulent room with a large crystal chandelier, a lamp with a crystal shade, and a white sofa. In the bottom left corner, there is a small golden statue of a tiger and a bird.

Ева Львова

Вердикт: невиновен!

Ева Львова

Вердикт: невиновен!

Серия «Адвокат Агата Рудь», книга 1

Серия «Адвокатский детектив»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3920615

Вердикт: невиновен! : роман / Ева Львова: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-57438-4

Аннотация

Молодой адвокат Агата Рудь получила первое серьезное дело: ей предстояло защищать студента Владимира Мызина, обвиняемого в убийстве профессора. С первого взгляда у Агаты появились сомнения в виновности парня... В день смерти профессора в его квартире побывали несколько человек: Володина девушка Юля, которой подруга посоветовала переспать с преподавателем ради хорошей оценки, их однокурсник Гарик, явившийся дать профессору взятку, и, наконец, сам Мызин, отчаянно ревновавший Юлю... Агата тщательно изучила всех фигурантов, проходящих по делу, и поняла: каждый имел и мотив, и возможность совершить преступление. На чем же ей строить свою защиту?

Ева Львова

Вердикт: невиновен!

Утро субботнего дня выдалось на славу. Слегка приоткрыв глаза, я наблюдала, как к кровати ползёт солнечный луч, разрезая комнату надвое. Луч брал начало у занавески, пересекал кожаное кресло, тянулся по паркету, медленно преодолевая препятствие в виде раскрытой книги, лежащей на полу. Это был Эдогава Рампо, классик японского детектива, произведение которого я начала читать перед сном.

Взглянув на часы, я уютно завернулась в одеяло и зажмурила глаза. Сегодня выходной, и можно спать сколько хочешь! Не нужно никуда спешить, валяйся себе на диване и смотри фильмы. Не знаю, как вы, а я обожаю кино с неожиданным финалом, так называемые эндинг-твисты, да и книги предпочитаю с закрученным сюжетом. Наверное, поэтому я и стала адвокатом – в глубине души надеюсь распутать какое-нибудь кошмарное преступление. Кроме того, имя тоже способствует – только ленивый, знакомясь со мной, не проходит на тему привязанности моих родителей к детективному жанру.

Взбив подушку и устроившись поудобнее в кровати, я подняла с пола книгу и с головой погрузилась в чтение. Я решила: дочитаю «Чудовище во мраке» и поеду на вернисаж полюбопытствовать, что сегодня принесли на продажу

старорежимные старушки и суровые немногословные перекупщики. В Измайлово я повадилась ездить каждые выходные. Забавная штука – собирательство. Я и сама не заметила, как стала завсегдатаем московских барахолок, выискивая среди предлагаемого старья фигурки зверей и птиц. Экспонатов в моей коллекции скопилось так много, что некоторые книги из шкафа пришлось перевезти на дачу к деду, и верхние полки теперь заставлены оленями, пандами, драконами и прочей миниатюрной живностью, которая греет душу коллекционера.

Перспектива удачной покупки лишила меня покоя. Какой может быть Рампо, когда в этот самый момент кто-то уводит у меня из-под носа бронзового фламинго на длинной ноге или славного бегемота из оникса? Дочитать можно и потом, тем более что я уже смотрела фильм, снятый по книге, и знаю, кто главный злодей. Отложив детектив, я вскочила с кровати и, шлёпая тапками по паркету, отправилась в ванную. Прохладная вода смыла остатки сна и вселила в меня ощущение, что сегодня будет необыкновенно удачный день. Из зеркала на меня смотрела улыбчивая девица с непослушными медными волосами и твёрдой уверенностью, что всё у неё получится, во взгляде.

Телефонный звонок разрушил очарование субботнего утра. Я решила ни за что не брать трубку, однако мой непосредственный начальник, адвокат Устинович, продолжал трезвонить, уверенный на сто процентов, что я непре-

менно отвечаю. Делать было нечего, пришлось уступить.

– Приветствую вас, Агата Львовна, – деловито пробасил в трубку глава фирмы.

Я работаю у Устиновича второй год, и с первого дня нашего знакомства Эд Георгиевич называет меня, однокурсницу своего младшего сына, только по имени-отчеству. Впрочем, как и остальных сотрудников, не исключая собственных сыновей.

– Простите, что побеспокоил в такую рань, – озабоченно продолжал шеф. – Мария Ильинична приболела, а сегодня как раз её дежурство. Будьте любезны, подмените её в офисе.

Маша Ветрова служит рекламной вывеской нашей адвокатской конторы. Высокая яркая брюнетка слегка за тридцать ни разу на моей памяти не утрудила себя субботним дежурством. Эта почётная обязанность чаще всего выпадает на долю старшего из сыновей Устиновича Леонида, хотя иногда возлагается и на младшего – Бориса. Теперь очередь дошла и до меня. Конечно, можно отказаться от незапланированной трудовой повинности, но тогда велика вероятность, что меня попросят со службы, а этого я никак не могу допустить. Дело в том, что в конторе я каждый день вижусь с Леонидом. А иногда даже говорю с ним. Но и сдаваться так просто в мои планы не входило. В арсенале ловкого адвоката имеется куча способов выкрутиться из неприятной ситуации.

– Эд Георгиевич, боюсь, ничего не получится, – с деланой печалью в голосе вздохнула я. – Я бы и рада, но меня нет в

Москве. Мы с друзьями ещё вчера вечером уехали на Селигер, сплавляться на байдарках...

– Не врите, Рудь, – оборвал вдохновенный полёт моей фантазии глава фирмы. – Я изучил вас вдоль и поперёк и поэтому стою перед вашим домом и не спускаю глаз с силуэта, который маячит во втором окне справа на третьем этаже. Агата Львовна, вы сильно рискуете, разгуливая перед незашторенными окнами в нижнем белье. Ладно, я за вами наблюдаю, а если увидит маньяк?

– Это не я разгуливаю, это моя подруга, – выпалила я, метнувшись от окна в глубину комнаты и в панике опрокинув торшер. – Я дала ей ключи от квартиры.

– И как же подруга узнала, что я на неё смотрю? Или это всё-таки вы, Агата Львовна, отпрыгнули от окна? – ехидно осведомился Устинович.

Врать дальше не имело смысла, пришлось согласиться, что от окна отскочила именно я.

– Как говорил Эвклид: «Quod erat demonstrandum», что, как известно, означает «что и требовалось доказать», – удовлетворённо хмыкнул начальник. – Через час чтобы были на работе.

– Конечно, Эд Георгиевич, – нехотя промямлила я и отправилась к шкафу, выбирать рабочий костюм.

Прекрасное настроение было безнадёжно испорчено. Обычно такие проделки мне мастерски удаются, однако стоит признать, что на этот раз соперник попался достойный.

Немного отпустило только в машине, когда я лихо неслась по пустынному центру в сторону Маросейки. Машинка у меня что надо. Свой красно-жёлтый «Мини-Купер» я ценю за маневренность и резвость, ухитряясь парковаться даже там, где другие не в состоянии втиснуть велосипед.

Контора «Устинович и сыновья» располагалась в доме номер пять по Кривоколенному переулку. Крутанув руль «Купера» и припарковав машину на пустынной стоянке неподалёку от красного «Пежо», я вынула смартфон и набрала номер деда.

– Привет, дед, – бодро приветствовала я родственника. – Обедать меня не ждите, Георгиевич барщину заставил отрабатывать. Так что освобожусь не раньше пяти и приеду сразу к ужину. Скажи бабушке, чтобы особо не изощрялась. Мне и макарон с сосисками хватит.

– Выдумаешь тоже – макароны, – недовольно буркнул дед. – Есть надо овощи и рыбу, тогда проживёшь до ста лет.

Деду я верила. За всю жизнь, сколько себя помню, я ни разу не видела, чтобы Владлен Генрихович жаловался на недомогание. Дед был высок и крепок, хотя не бегал по утрам трусцой и не изнурял себя упражнениями на свежем воздухе. Напротив, дед безвылазно торчал в кабинете, не выпускал изо рта трубку и выходил на свежий воздух только для того, чтобы накопать червей для рыбалки на утренней зорьке, которую неизменно просыпал. Выбравшись из салона авто, я достала ключи от конторы и, поднявшись на крыльцо,

неторопливо отперла входную дверь.

– Простите, вы уже работаете? – неожиданно прозвучал за спиной высокий девичий голос.

Я обернулась, так и не успев войти в помещение, и увидела заплаканную светловолосую девушку в стильном клетчатом плаще и изящных сапожках. В руках её поблёскивали ключи от машины, и это навело меня на мысль, что девушка стерегла сотрудников адвокатской конторы в том самом «Пежо», рядом с которым присоединился мой «Купер».

– Конечно, работаем, – вежливо откликнулась я, пропуская клиентку. – Проходите, пожалуйста.

Улыбнувшись сквозь слёзы, блондинка зябко передёрнула плечами и перешагнула порог.

– Я точно знаю, что Вовка не убивал! – горячо заговорила ранняя посетительница, опускаясь на краешек стула. Сумку, которую до этого держала на плече, девушка поставила на колени и сжала кожаную ручку так сильно, что побелели костяшки пальцев. – Это какой-то ужас. Его только что забрали из университета!

– Ваш молодой человек в СИЗО? – догадалась я, снимая пальто и пристраивая его на вешалку в шкафу. – Вы раздевайтесь, присаживайтесь к столу, я сейчас чайник поставлю. Вы завтракали? Лично я не успела. Будем пить кофе, а заодно расскажете, за что задержали вашего друга. Вас как зовут?

– Юля, – смутилась девушка, неловко расстёгивая плащ. –

Юля Щеглова, мы с Вовой вместе учимся в Столичном гуманитарном университете на историческом факультете.

– А я адвокат Агата Львовна Рудь, – солидно представилась я.

На лице клиентки отразились некоторые сомнения, и она протянула:

– Я думала, вы помощник, адвоката я представляла себе как-то не так...

Постояв секунду в растерянности, Юля решительно тряхнула головой, в её глазах промелькнуло удалое «Эх, была не была!», и девушка продолжила расстёгивать плащ. Пока клиентка раздевалась, я проворно накрыла на стол – расставила на журнальном столике чашки, насыпала в них растворимого кофе и теперь разливала кипяток, стараясь, чтобы вода попадала прямо на кофейную кучку. При этом получается ажурная светлая пенка, которую так вкусно слизывать с чайной ложки. Можете попробовать, если не верите.

– Агата Львовна, – начала Юля, но я её тут же перебила:

– Можно просто Агата.

– Представляете, Агата, – грея руки над паром, срывающимся голосом начала свой рассказ Юля. – Сегодня случилось ужасное происшествие. Арестовали Вовку Мызина.

– Это я уже слышала, – мягко улыбнулась я. – Нельзя ли перейти непосредственно к делу? Вы не стесняйтесь, берите бутерброды, они только с виду не очень, зато вкусные. Никогда не умела резать колбасу, вот и получились кривобокие.

– Спасибо, что-то не хочется, – смущённо откликнулась клиентка.

– А я, с вашего позволения, съем, – извинилась я, выбирая из четырёх бутербродов наиболее корявый. Те, что поприличнее, я решила оставить посетительнице – это сейчас она отказывается, а ну как начнёт рассказывать о своих проблемах и на нервной почве захочет перекусить?

– Первой лекцией должна была быть история, – сбивчиво начала Щеглова. – Читает её наш декан, профессор Черненко, но он не пришёл. Мы сначала обрадовались, думали, пораньше сбежим. Потом у нас по расписанию физкультура, предмет необязательный, на него можно не ходить. Только мы с Вовой собрались по-тихому уйти и поехать в Коломенское, как ректор приводит строгого такого дядечку и говорит, что это следователь Седых, он выясняет обстоятельства смерти Петра Михайловича. Вроде бы профессор Черненко убит, и работники прокуратуры будут допрашивать каждого, выясняя, что нам известно по этому поводу.

Юля замолчала, рассматривая портрет Плевако, вставленный в рамку из его собственных цитат. Портрет великого российского адвоката таким оригинальным способом оформил и собственноручно прибил над стойкой секретаря хозяин нашего бюро. Ниже в стеклянном футляре висела серебряная медаль имени Плевако за вклад в дело отечественной юриспруденции. Этой награды адвокатская контора в Кривоколенном переулке удостоилась два года назад, и мы

ею очень гордился. Я перехватила рассеянный взгляд Юли, блуждающий по стенам, и решила уточнить:

– Насколько я понимаю, Владимир что-то знает об убийстве преподавателя, раз его забрали в СИЗО?

– Ну да, он знает. И я знаю, – чуть слышно пробормотала Юля, опуская глаза.

Клиентка сидела на краю стула для посетителей, подавшись вперёд и обхватив ладонями чашку с горячим напитком, и было видно, что девушка напряжена до предела.

– Я и Вова были в квартире Петра Михайловича незадолго до убийства, – сдавленным голосом продолжала Щеглова, не поднимая глаз.

– Что вы там делали? – вскинула я бровь.

Это движение мимических мышц лица я переняла у одной телеведущей и отрабатывала перед зеркалом по двадцать минут в день. Ведущую вскинутая бровь делала значительной и умной, и мне казалось, что таким нехитрым способом я тоже вырастаю в глазах клиентов.

– Прямо не знаю, как начать, – окончательно смутилась девушка, теперь уже растерянно глядя на мой лоб.

Чтобы не сбивать Юлю с мысли, я вернула лицу прежнее выражение и участливо подсказала:

– Начинайте по порядку.

Юля согласно тряхнула кудряшками и, поставив на стол чашку, из которой так и не сделала ни одного глотка, заго-

ворила:

– Понимаете, я учусь на бюджетном отделении, поэтому для меня очень важно, чтобы не было троек. По всем предметам я успеваю нормально, только у Черненко постоянно получаю «удочки». У меня есть подруга, Лиза Исаева, она с Петром Михайловичем хорошо ладит. Вернее, теперь уже, получается, ладила. Вот. Исаева посоветовала прийти к профессору домой, вроде бы на консультацию, и затащить его в постель. Лиза говорит, что сама так делала. Ну, я и пошла. Пришла, в дверь позвонила, Пётр Михайлович меня в кабинет провёл и на диван усадил, а сам пошёл в кухню чайник ставить. Я сижу, не знаю, что мне делать. Самой раздеваться вроде неловко, но надо же Черненко как-то намекнуть, что я собираюсь ему отдаться взамен на пятёрку по истории. Я расстегнула блузку, сняла юбку, и тут в дверь позвонили. Я перепугалась, стала одеваться и вдруг услышала голоса. Даже не просто голоса, а крики.

Клиентка взяла со стола чашку и сделала большой глоток. Обожглась, поперхнулась, закашлялась и, морщась, поставила её обратно. Начало было интригующим.

– Кто же пришёл к профессору? – заинтересовалась я.

Прокашлявшись и восстановив дыхание, Юля вытерла тыльной стороной ладони набежавшие на глаза слёзы и проговорила:

– Пришёл наш однокурсник Гарик Миносян. Он принёс Черненко деньги. И очень рассердился, когда декан отказал-

ся их взять. Миносян даже кинул пачку купюр в лицо Петру Михайловичу, так, что они разлетелись по всей прихожей.

Я попыталась представить картину происшествия, и у меня тут же возник следующий вопрос:

– Юля, а вы не знаете, за что Миносян хотел заплатить профессору?

– Насколько я слышала, – быстро проговорила клиентка, – Гарик кричал, что Черненко сам не знает, чего хочет. То ему носи деньги, то не надо. Что он, Гарик, продал машину, чтобы профессор не выгонял его из института за неуспеваемость. Парень заявил, что, наверное, он Петру Михайловичу просто мало даёт, вот декан и строит из себя непонятно кого. Должно быть, другие студенты приносят взятки побольше, но ему, Гарику, нигде взять ещё денег, он не позволит делать из себя дурака и найдёт способ остаться в институте. А потом он кинул деньги Черненко в лицо.

Юля замолчала, прикусила губу и остановившимся взглядом смотрела в окно, словно не зная, продолжать ей или нет.

– И что было дальше? – вкрадчиво спросила я, опасаясь спугнуть рассказчицу неосторожным вопросом.

Юля оторвалась от окна, перевела взгляд на меня и на одном дыхании выпалила:

– Потом Гарик выскочил за дверь, а профессор к деньгам даже не притронулся. Пётр Михайлович вернулся в кухню и продолжил готовить чай. Только я снова собралась раздеваться, как в квартиру ворвался Вовка Мызин и ударил про-

фессора по лицу. Я выбежала из кабинета, взяла в прихожей плащ и поехала в общежитие.

– А Володя?

– Он остался у декана. Но вы, Агата, не подумайте ничего плохого, я его знаю, Мызин ни за что не стал бы убивать Петра Михайловича. Вовка всегда боится, как бы чего не вышло, а тут вдруг – убийство. И всё из-за меня! Господи, какая же я дура! Зачем я только Лизку послушалась!

Рассказывая о позорном эпизоде из своей жизни, Юля покраснела и выглядела смущённой, но это её не портило. Я невольно залюбовалась яркими серыми глазами девушки, её изящным вздёрнутым носиком, ямочками на щеках и, признаться, подумала, что нет ничего удивительного в том, что студент Мызин приревновал такую красотку к уважаемому декану факультета. Ведь студентки сплошь и рядом влюбляются в своих преподавателей, впрочем, так же как и преподаватели в студенток.

Я оставила при себе размышления на отвлечённые темы и вслух поинтересовалась:

– Как убили вашего профессора?

– Следователь Седых не говорил, – растерялась собеседница. – Он только нас расспрашивал, а сам не рассказал про убийство.

– Ну да, конечно, – спохватилась я. Действительно, что я такое говорю? Откуда девчонка может знать о деталях преступления? – Про оружие я посмотрю в материалах дела, –

зарабатывая авторитет, солидно добавила я. – А что, Черненко жил один? Ни семьи, ни детей – никого? Ведь он, наверное, был уже не молод, раз он профессор...

– Лет пятьдесят ему было, – пожала плечами Юля, убирая за ухо пышную светлую прядь.

Спохватившись, что ничего не записываю, я вытащила из стола блокнот и, занеся над чистой страницей ручку, деловито осведомилась:

– У вас с Владимиром серьёзные отношения?

Для себя я уже решила, что возьмусь защищать ревнивого студента.

– Мы собираемся пожениться на Рождество, – тихо ответила Юля.

– И как вы объяснили будущему мужу своё присутствие в доме профессора в столь поздний час?

Клиентка залилась пунцовым румянцем и, окончательно смутившись, чуть слышно прошептала:

– Я сказала Вовке, что Черненко пригласил меня на консультацию как научный руководитель.

Юля помолчала, кусая губы, затем вскинула голову и, набравшись решимости, выпалила:

– Мы всю ночь выясняли отношения, и я убедила его, что не виновата и это не то, что он подумал. В общем, Володя меня простил.

– Владимир точно не мог убить профессора? – вкрадчиво спросила я, вкладывая в свой вопрос определённый под-

текст.

На месте незадачливого жениха я, например, не могла бы на сто процентов поручиться, что дело обойдётся без кровопролития.

В принципе я не отличаюсь взрывным характером. Напротив, друзья и знакомые считают меня девушкой довольно уравновешенной, находя несомненное сходство как во внешности, так и по характеру с Алисой Селезнёвой из детского советского фильма «Гостя из будущего». Но время от времени я ловлю себя на мысли, что при определённых обстоятельствах вполне смогла бы убить человека. Наверное, это ужасно, но что есть, то есть.

– Да говорю же вам, точно не мог! – запальчиво выкрикнула Юля. – Стал бы Вовка полночи требовать от меня, чтобы я перевелась к другому научному руководителю, если бы знал, что Черненко мёртв? Вовка сказал, что всего лишь стукнул декана по физиономии, чтобы неповадно было использовать служебное положение в личных целях, и сразу же поехал в общагу выяснять, как я могла с ним так поступить. Правда, перед этим он остановился у магазина, купил и выпил бутылку водки.

– Почему задержали именно Володю? Он в чём-то признался? – пыталась разобраться я в сложившейся ситуации.

– Да нет, ни в чём он не признавался, – отмахнулась Юля. – Понимаете, Агата, Вовка просто сказал следователю,

что около двадцати одного часа был у профессора и подрался с ним.

– И всё? – обрадовалась я. – Тогда мы мигом освободим его под подписку о невыезде.

Ха, все козыри у нас на руках! Разве драка может служить основанием для обвинения? Вот если бы у Мызина нашли неопровержимые улики, такие как орудие убийства или пятна крови потерпевшего на одежде, тогда всё, пиши пропало.

– Ну да, и всё. Правда, у Вовки в сумке нашли кинжал, а куртка оказалась вымазана кровью... – словно читая мои мысли, всхлипнула Юля.

Я мигом утратила энтузиазм и вяло протянула, попутно раздумывая, не будет ли хамством с моей стороны съесть последний бутерброд, сиротливо лежавший на опустевшей тарелке:

– Тогда не имеет смысла даже связываться с подпиской.

– А может, получится? – попросила Юля, не спуская с меня умоляющих глаз.

Во время нашей беседы Щеглова встала со стула и подошла к окну. На офисном подоконнике буйным цветом цвёл гибискус. Девушка вынула из горшка обломившийся цветок, подержала его в руках и начала обрывать листья, роняя их на пол. Глядя на клиентку, я отметила про себя, что руки Юли подрагивают, и отнесла это на счёт переживаний о близком человеке.

– Ну ладно, я попробую, – без особой уверенности в голо-

се пообещала я, протягивая руку к бутерброду и сгребая его с тарелки. Воспитанная клиентка сделала вид, что ничего не заметила.

– Спасибо вам! – расцвела улыбкой Юля.

– А Гарик Миносян упомянул в беседе со следователем, что он тоже посещал Петра Михайловича незадолго до его гибели? – проникаясь невольной симпатией к посетительнице, уточнила я.

– Ага. Говорил, – кивнула Щеглова. – Но следователь Седых на это внимания не обратил. Ведь Гарик ушёл от Черненко, оставив профессора живым и здоровым, и только потом в квартиру ворвался Вова. Следователь и ухватился за этот факт. Ему нужно было кого-то арестовать, тут и подвернулся Мызин.

Я снова взяла ручку, которую отложила на время трапезы, перевернула разрисованную рожицами страницу блокнота и задала следующий вопрос, собираясь делать пометки:

– Во сколько вы вернулись в общежитие?

– Около десяти, – что-то прикинув в уме, ответила Юля. – Я ехала на метро, а от Сокола до Лефортово добираться около часа.

– А когда приехал Володя? – записывая её ответы, поинтересовалась я.

– Часов в одиннадцать, – чуть помедлив, проговорила Щеглова. – Ну да, точно, в одиннадцать. Известно, что Черненко убили между девятью и десятью часами вечера, поэто-

му следователь и думает, что это сделал Вовка, – звенящим от напряжения голосом добавила она. – Но это не так. Вовка сначала заехал в магазин и купил бутылку водки, которую тут же и выпил с Гариком Миносяном. А уже потом отправился ко мне.

Зафиксировав на бумаге временной интервал, я встала из-за стола и, заложив руки за спину, принялась расхаживать по офису, пытаясь представить себе, как было дело. В рассказе Юли что-то определённо не сходилось, но что именно, я не могла уловить.

– Я не понимаю, – задумчиво проговорила я. – От профессора Миносян добирался своим ходом. Как же так получилось, что Володя пил с ним водку?

– Они у круглосуточного магазина встретились, – жалобно улыбнулась Юля. – Агата, вы только не подумайте, Вовка не алкоголик, просто он очень расстроился. А Гарик, должно быть, обмывал потерю машины и денег.

– Кто-нибудь может подтвердить, что Владимир был в общепитии именно в то самое время, о котором вы говорите? – выясняла я круг возможных свидетелей.

– Конечно, может, – оживилась студентка. – Его видела моя соседка по комнате Лиза Исаева.

Вдруг Юля понизила голос и, многозначительно глядя на меня, безапелляционным тоном заявила:

– Знаете, Агата, я на сто процентов уверена, что это Гарик вернулся к Черненко и свёл с ним счёты. Ведь только Пётр

Михайлович, как декан нашего факультета, мог решить вопрос с академической неуспеваемостью положительно, иначе Миносяна выгнали бы из института и ему светила армия.

– Отлично, – ободряюще улыбнулась я. – Сейчас мы подпишем бумаги, и я подъеду в СИЗО, переговорю с Владимиром Мызиным.

Вкратце обрисовав клиентке план дальнейших действий, я захлопнула блокнот и направилась к своему столу, где рядом с монитором пылились фигурки животных. Как видите, моя любовь к собирательству зверюшек отразилась и на рабочем месте. Когда я проходила мимо девушки, меня вдруг посетила дельная мысль.

– Ещё один вопрос, – остановилась я рядом со Щегловой. – А что, Владимир – сирота? Отчего судьба вашего жениха не волнует его родителей?

Лицо Юли передёрнула страдальческая гримаса, и девушка неохотно ответила:

– Да нет, Вова не сирота. Просто Лидия Сергеевна занята исключительно работой, ей не до Володи. Она руководит культурным центром и не вылезает оттуда целыми неделями. Так что у Вовки, получается, кроме меня, никого нет. Если вы беспокоитесь насчёт денег, то не волнуйтесь, у нас отложена на свадьбу приличная сумма, и ваши услуги мы оплатим как полагается. Главное, докажите, что Вова не убийца.

Стараясь казаться солидной, я кивнула головой и достала из стола типовой договор на оказание адвокатских услуг.

Чего уж там скрывать, в первый раз за всю адвокатскую практику мне предстояло защищать подозреваемого в убийстве. До этого попадались скучные бракоразводные дела и иски о признании наследственных завещаний недействительными. Правда, было одно дело об уgone подержанного «КамАЗа», но оно не шло ни в какое сравнение с настоящим обвинением в убийстве. А в том, что Владимиру Александровичу Мызину не сегодня завтра предъявят обвинение в убийстве профессора Черненко, я не сомневалась.

Поэтому после ухода клиентки я несколько раз перечитала договор, не до конца веря своим глазам, и, убедившись, что адвокат Агата Рудь и в самом деле представляет интересы Владимира Мызина, углубилась в Интернет. Я надеялась найти как можно больше информации о Столичном гуманитарном университете, между студентами и преподавателем которого разыгрались драматические события. С головой погрузившись в хвалебные заметки и статьи, я не услышала, как скрипнула дверь. И только когда в приёмной раздались шаги, я, оторвавшись от своего занятия, подняла голову и поняла, что пришло моё спасение.

Сгибаясь под тяжестью сумок, в контору вошла бодрая старушка в старомодном драповом пальто и аккуратной фетровой шляпке на гладко зачёсанных волосах. Секретарь фирмы Кира Ивановна Пермская не мыслила себя без работы. Она жила по соседству, на Маросейке, и даже в выходные

дни считала своим долгом наведываться в офис, чтобы полить цветы и подкормить персонал. Адвокатская контора в Кривоколенном переулке имела свои традиции, и секретарша Пермская, работавшая в ней ещё с советских времён, была одной из них. Кира Ивановна пришла работать секретарём в конце шестидесятых и застала адвокатов старой формации, начинавших трудиться на поприще адвокатуры ещё при НЭПе. Обладая сметливым умом, секретарша помнила все дела, которые когда-либо проходили через руки здешних защитников, и господин Устинович очень дорожил столь ценным сотрудником. А лично я сейчас возлагала на Киру Ивановну большие надежды: я знала, что сердобольная старушка обязательно вызовется посидеть вместо меня в офисе, отправив несчастную коллегу, несправедливо вызванную на работу в выходной день, домой.

– Здравствуй, дитя моё, – низким голосом пророкотала Кира Ивановна, опуская на пол сумки со съестным. – Прости мою назойливость, но, по-моему, ты дежурила в прошлый раз.

– Ага, дежурила, – кротко согласилась я. – И опять дежурю.

Я вскинула на Киру Ивановну исполненные страдания глаза и втянула носом воздух. С появлением секретарши в офисе явственно запахло домашней выпечкой.

– Только не говори, что тебе так понравились мои чебуреки, что ты готова безвылазно торчать на работе все субботы

подряд, – погрозила пальцем секретарша.

– Не скажу, хотя чебуреки у вас – высший класс, – льстиво улыбнулась я. – Мне Устинович-старший с утра позвонил, просил вместо Маши выйти.

– А я всем говорю, что сегодня работает Ветрова, – огорчилась Кира Ивановна, разливая по чашкам чай, раскладывая на тарелке пирожки, водружая всё это на поднос и направляясь с угощением к моему столу. – Учись, Агата, у Ветровой, как извлекать пользу из дружбы с начальством. А что это ты читаешь?

Я как раз штудировала сайт университета, пытаюсь определить, какое место декан факультета истории профессор Черненко занимал в жизни вуза.

– О, надо же, знакомая организация! – заметив название странички, оживилась Кира Ивановна. – Как же, отлично помню Столичный гуманитарный университет. В январе девяносто первого года у меня как раз был роман с Пашей Грачёвым, который защищал лаборантку из этого вуза. Статья сто одиннадцатая, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, как сейчас помню. И дали ей по тем временам совсем немного – каких-то три года – Паша постарался. Тогда, знаешь ли, в моде были заказные убийства, каждый день взрывались «Мерседесы» кооператоров и расстреливались бандитские «БМВ», и лаборантка на общем фоне выглядела кроткой овечкой.

– А что так? – заинтересовалась я. – Три года и правда до-

вольно небольшой срок за причинение тяжкого вреда здоровью. По сто одиннадцатой статье от двух до восьми лет дают. Может быть, были смягчающие обстоятельства?

Секретарша задумалась, припоминая, и, пожав плечами, неуверенно произнесла:

– Видимо, были, раз дали почти по минимуму.

– Тогда понятно, – с уважением кивнула я. Если Кира Ивановна говорит, что смягчающие обстоятельства были, значит, так оно и есть. – А у меня дело про любовь. Жених застал невесту в квартире преподавателя в неурочное время и в слегка разоблачённом виде. Как водится, приревновал, после чего профессора нашли убитым. Крутился там ещё один фигурант, он взятку принёс.

– И как фамилия профессора? – спросила Кира Ивановна, прихлёбывая чай и заедая его конфеткой.

Я откусила пирожок, стараясь, чтобы крошки не сыпались на клавиатуру, и, тщательно прожевав, ответила:

– Черненко, Пётр Михайлович.

– Черненко, – задумчиво повторила Кира Ивановна. – Черненко. Знакомая фамилия. Фигурировал в том деле аспирант Черненко, это точно. А подсудимая – лаборантка Глаголева. Я ещё запомнила – как актриса Верочка Глаголева, я её просто обожаю. Помнишь тот фильм, где она Рыбникова щипала? Там, где Проскурин за ней сумку носил? Неужели не помнишь? – Кира Ивановна даже разволновалась, негодуя на мою забывчивость. – Называется «Выйти за-

муж за капитана», – пыталась она пробудить мои воспоминания подсказками, но, убедившись, что из этого ничего не выйдет, оставила свою затею.

– Нет, не помню я такого фильма, – виновато призналась я.

– А у меня феноменальная память, – похвасталась старушка. – Особенно на фамилии. Этот аспирант Черненко изнасиловал подсудимую Глаголеву, а она в отместку ударила его ножом в живот. Аспиранту удалили селезёнку, и он стал инвалидом. Вот тебе и тяжкий вред здоровью.

– Почему же не подали встречный иск об изнасиловании? – удивилась я.

– По-моему, – собрала лоб складками Кира Ивановна, – иск подавали, только дело не выгорело.

– А почему же?

– Дорогая моя, ты слишком много от меня хочешь, – улыбнулась секретарша. – Всё-таки двадцать лет прошло...

Прекрасно отдавая себе отчёт в том, что грубо льщу, я восхитилась, делая пометки в блокноте:

– У вас не голова, а Большая Советская Энциклопедия! И как вы, Кира Ивановна, всё запоминаете?

– Работа такая, – зарделась старушка, заглотив наживку. – Ты, Агата, допивай чай и отправляйся домой. Я всё равно цветы сначала опрыскивать буду, потом подкормку подсыпать, так что проторчу здесь часов до шести. Если придут клиенты, свяжусь с тобой по телефону.

– Вот спасибо, Кира Ивановна, – обрадовалась я, легко получив желаемое.

Напрасно я считала себя великим манипулятором, Кира Ивановна не осталась в долгу.

– Спасибо в карман не положишь, – пробормотала старейшая сотрудница конторы. – С тебя, моя дорогая, рецепт бабушкиного штруделя.

По дороге на дачу я заехала в супермаркет и купила баночку мидий и пару грейпфрутов. Мидии предназначались для бабушки, грейпфруты – деду. Честно говоря, обожаю своих стариков и всякий раз, когда их навещаю, стараюсь приехать не с пустыми руками. Каждую осень, следуя этой дорогой, я собираюсь купить хорошую камеру и заняться пейзажной съёмкой. Если бы вы увидели чарующие левитановские пейзажи, которыми так богаты наши дачные места, вы бы тоже загорелись этой идеей. Но осень проходит за осенью, клёны и липы год за годом желтеют, краснеют и облетают, а фотокамера до сих пор пылится на полке магазина. Всегда находятся неотложные дела, которые отодвигают творческие планы на потом, делая их несбыточной мечтой.

Путь до дачи я проделала за каких-нибудь сорок минут, любуясь красотами осеннего леса и давая себе клятвенное обещание, что уж в этом году я непременно воплощу свои идеи в жизнь. Миновав лес, я въехала в посёлок. Хотя Снегири были застроены в середине тридцатых годов, добротные

бревенчатые дома до сей поры смотрели на окружавший их сосновый бор чисто вымытыми эркерными окнами и удивляли прохожих резными мезонинами. Я неторопливо ехала по посёлку, минуя участки соседей, где в субботний день за невысокими заборами уютно светились веранды. Во многих домах в этот час хозяева пили чай. Звенели о блюдца чашки, звякали, помешивая сахар, ложечки, из открытых окон пахло ватрушками и яблоками с корицей.

Подъехав к даче деда, я загнала машину в гараж и, размахивая пакетом с гостинцами, вбежала в дом. Первым делом отправилась в гостиную, поздороваться с дедом. Двигаясь по коридору, я прислушивалась к доносящимся оркестровым звукам и наперёд знала, что увижу. Остановившись в дверях, я обвела взглядом знакомый интерьер, и сердце сжалось от нестерпимой любви и нежности – годы идут, я расту, взрослею, становлюсь вполне самостоятельной личностью, а у моих обожаемых стариков ничего не меняется. Хорошо, когда есть островок постоянства в бурном море житейских перемен. С тех пор как я себя помню, Владлен Генрихович в это время суток неизменно сидит в кресле-качалке у камина и кованной кочергой помешивает угольки. В свободной руке дед обычно держит раскрытую книгу – на этот раз это томик Бальзака, ноги деда укрывает шерстяной плед, а из старой радиолы «Грюндиг» льётся негромкая музыка.

Сегодня дед слушал Вагнера. Обложка от винилового диска покоилась на столе, между початой бутылкой армянского

коньяка и большой пузатой чашкой, из которой дед любит пить чай. Пьёт он его так: заваривает крепкий чай и добавляет в него капельку коньяку; отпивает несколько глотков и подливает коньяку побольше; снова пьёт и на освободившееся место льёт коньяк. Вскоре изначальные пропорции чая и коньяка меняются местами, и Владлен Генрихович, умиротворённый и расслабленный, отправляется по спиральной лестнице на второй этаж спать. Заглянув в гостиную, я застала тот момент, когда приоритетное место в чашке занимал ещё чай.

– Привет-привет, кому грейпфрут? – игриво осведомилась я, потрясая пакетом с гостинцами.

– Здравствуй, Агата, – степенно ответил дед, продолжая помешивать угли и не оборачиваясь на мой голос. – Спасибо, положи на стол.

Я знала эту особенность деда – никогда не бросать начатого дела – и поэтому не обижалась на него. Если уж он взялся мешать угли, то не остановится до тех пор, пока не сотрёт в порошок.

– Ты не поверишь, дед! – гордо сообщила я широкой спине в велюровой домашней куртке. – Я буду защищать ревнивого студента!

Дед всё-таки обернулся и смерил меня насмешливым взглядом.

– Ну и чему ты радуешься? – сварливо осведомился он, откладывая кочергу.

Я дёрнула плечом и сердито произнесла:

– Дед, ты даёшь! Это моё первое серьёзное дело, как ты не понимаешь?

– Ну-ну, госпожа Перри Мейсон, – усмехнулся Владлен Генрихович. – Не сомневаюсь – с твоим напором и прытью ты обязательно разоблачишь настоящего злодея. И что, позволь узнать, твой студент натворил?

– Так, ничего особенного. Убил профессора Черненко, – вырвалось у меня, но я тут же поправилась: – Вернее, не убил, а только подозревается в этом.

– Серьёзное обвинение, – покачал головой дед, направляясь к радиоле и бережно снимая иглу с диска. В тот же момент музыка оборвалась, и я спросила:

– Сегодня у нас «Полёт валькирий»? Что, собираетесь с бабушкой в ресторан или планируется вылазка в кино?

Зная пристрастия деда, нетрудно было выявить определённую закономерность. Владлен Генрихович предпочитает слушать классику перед тем, как собирается наведаться в город. Вертинский хорошо идёт в минуты раздумья и одиночества, выдающийся гитарист Пако де Лусия бодрит деда аккордами и переборами перед приходом гостей, а вот Высоцкий отлично завершает полный цикл чая с коньяком.

– Я действительно после обеда думал проехаться с бабушкой в «Леруа Мерлен», посмотреть садовые ножницы, – удивлённо ответил дед, снова устраиваясь в кресле. – А как ты догадалась?

– Есть один способ, – уклончиво ответила я. Пусть думает, что я обладаю не банальной наблюдательностью, а некими сверхъестественными способностями типа ясновидения.

– Ну, хорошо, не хочешь говорить – не надо. Тогда расскажи, почему ты так рано? – осведомился дед.

– Меня Кира Ивановна отпустила, – втягивая носом волшебный аромат борща, долетавший из кухни, пояснила я. – Между прочим, наша секретарша припомнила, что двадцать лет назад в Столичном университете было совершено покушение на убийство. Некая лаборантка Глаголева чуть не убила аспиранта Черненко. Прошло двадцать лет, аспирант стал профессором, и именно его теперь убил ревнивый студент, которого я защищаю. Символично, не правда ли? И в самом деле, от судьбы не убежишь.

– Знаешь что, душа моя, – вкрадчиво проговорил дед. – Я бы на твоём месте покопался в архиве по поводу того давнего дела. Никогда не знаешь, что может пригодиться в работе, поэтому надо учитывать каждый имеющийся факт. Ты со мной согласна?

– Ну да, конечно, – вяло промямлила я, в корне не согласная с замечанием деда.

Генерал Рудь отдал службе в госбезопасности почти пятьдесят лет, и я частенько пользовалась советом компетентного в юриспруденции родственника. Но на этот раз я сочла, что дед перестраховывается. Кому в двадцать первом веке нужен дремучий архив с пыльными томами приговоров, под-

шитых в наряды по годам? Вот Интернет – это да, там можно найти любую информацию по интересующему тебя вопросу. Ну и, конечно же, в нашем деле здорово помогают адвокатские запросы, только ответа приходится ждать долго. Зато выручают приятели Владлена Генриховича, ухитряющиеся добывать такие сведения, за которые другой адвокат отдал бы полжизни. Размышляя о пользе Интернета и нужных знакомств, я добралась до кухни.

Кухня на даче являлась предметом особой гордости бабушки. Здесь стояла настоящая русская печь, в которой Ида Глебовна обычно топила натуральное коровье молоко, а на белёных кухонных стенах висели медные тазы для варенья, чередуясь с надраенными до зеркального блеска кастрюлями, воссоздавая средиземноморский стиль. Я сунула в холодильник банку мидий и плюхнулась на стул, всем своим видом давая понять, что к обеду готова. В центре кухни, на покрытом вышитой скатертью столе, дымились тарелки с борщом, стояли мисочки с греческим салатом и тарелки с соленьями. При виде этого великолепия сразу понимаешь, что Ида Глебовна любит и умеет готовить. Недаром её штрудели и птифуры, которые я частенько приношу на работу, имеют большой успех среди коллег. Вон даже секретарша Пермская, эксперт по части выпечки, и та заинтересовалась бабушкиными рецептами.

– Ух ты, малосольные огурчики! – обрадовалась я, заметив в центре стола тарелку с разносолами. Зная, что бабуля

не любит, когда хватают со стола, я всё же не удержалась – подцепила пальцами с тарелки самый маленький пупырчатый корнишон и отправила его в рот.

– Вчера засолила, знала, что ты приедешь, – добродушно откликнулась бабушка, вытирая руки о передник.

Поднявшись из-за стола, я обхватила бабушку за худенькие плечи и благодарно чмокнула в щёку, отметив про себя, что для своих шестидесяти восьми лет Ида Глебовна выглядит на удивление хорошо. Невысокая фигура её в домашнем платье была по-спортивному подтянута, стриженные в форме каре волосы тщательно окрашены в цвет молочного шоколада, лицо гладкое, почти без морщин. И пронзительные, как льдинки, голубые глаза. На фоне деда, хотя и крепкого физически, но покрытого старческими мешочками и складочками, Ида Глебовна смотрелась почти девочкой.

– Ну, дорогие мои, – окинув семью весёлым взглядом, выдохнул Владлен Генрихович, заходя в кухню и потирая руки. – Все в сборе. Пора садиться за стол.

Я вернулась на прежнее место, склонилась над тарелкой и, прежде чем приступить к еде, подумала, что сидеть вот так в кругу любимых людей – и есть счастье.

Следователь по особо важным делам Седых продержал меня в коридоре до обеда. Должно быть, это была тонко выверенная психологическая атака, направленная на то, чтобы лишить адвоката подозреваемого Мызина присутствия духа

и выбить из колеи, но следователь не учёл одного – я пришла не одна. Тоскливое ожидание среди серых казённых стен скрашивал Борис Устинович, увязавшийся за мной в прокуратуру. Бывший однокурсник гостил у нас на даче с воскресенья, играя в шахматы с дедом и расхваливая бабушкину стряпню. Обожаю это удивительное чувство – просыпаться в запахе хвои и тёплой земли. И сосновый аромат, похоже, притягивает не только меня, ибо гостевой домик, пристроенный рядом с большим домом, пустует крайне редко. К деду частенько приезжают на несколько дней бывшие сослуживцы и просто знакомые с работы, и Владлен Генрихович подолгу запирается с ними в кабинете. Бабушка в такие дни не вылезает с кухни – наступает её звёздный час.

Один раз приехали Устиновичи – Леонид и Боря. Честно говоря, я не люблю об этом вспоминать, потому что следом за Леонидом примчалась Маша Ветрова и всё испортила. В первую же минуту своего пребывания в гостях Леонид известил нас как о чём-то само собой разумеющемся, что придет Мария Ильинична, даже не спросив, нужна ли она здесь. Приглашая Устиновичей, я представляла себе, как прогуляюсь с Леонидом к озеру, как он возьмёт меня за руку и поможет забраться в лодку, а сам сядет на вёсла, и мы поплывём по зеркальной глади. На самой середине озера Лёня отбросит деликатность и станет меня целовать, потом лодка перевернётся, и я притворюсь, что не умею плавать. Кавалер меня, конечно же, спасёт, и я смогу с чистой совестью всем

рассказывать, что люблю Устиновича-среднего, и в этом не будет ничего особенного, ведь спасённые часто влюбляются в своих героев. Но всё получилось совсем не так, как мечталось. Вместо меня с Леонидом по озеру каталась Ветрова. Пришла вся мокрая, счастливая и долго смеялась, рассказывая, как Лёня был неловок и перевернул лодку. Больше я сослуживцев на дачу не зову. Но Борька – Устинович-младший, прозванный в семье Джуниор, – на правах старого друга является к нам без приглашения. Вот и в эти выходные он заявился в Снегири как к себе домой и принялся строить из себя клоуна, развлекая уважаемую публику. А в понедельник, вместо того чтобы отправляться в адвокатскую контору, потащился со мной к следователю Седых.

– У тебя дед – сказочник Бажов, – делился приятель, сидя на стуле в коридоре прокуратуры. – Плёл кому-то вчера по телефону про специальный отдел «Сигма», занимающийся изучением мозга. Типа как любят писать разные там умники в этих их Интернетах: «Бойтесь, люди! Придёт великий Ктулху и высосет ваш моск!»

Беда Джуниора заключается в том, что он считает себя жутко остроумным и постоянно пытается шутить. Являясь фанатом широко известного в узких кругах сайта «Луркоморье», коллега непрестанно сыпет остротами, почерпнутыми на этом сомнительном ресурсе, испытывая терпение окружающих и сильно рискуя нарваться на грубость.

– Дед никогда ничего не плетёт, – оборвала я, смерив кол-

легу суровым взглядом.

Заслышав стальные нотки в моём голосе, развеселившийся Борис тут же притих, виновато опустив долу шальные серые глаза, опущенные мохнатыми ресницами. Я всегда завидовала его роскошным ресницам, теперь же его телячий взгляд вызывал у меня раздражение.

– Дед не врёт, а рассказывает как было, – сухо продолжала я, с трудом сдерживаясь, чтобы не наорать на балагура. – С дедом часто консультируются нынешние силовики. Мне другое интересно, – решила я от греха подальше сменить тему. – Когда господин Седых удостоит меня аудиенции?

– Следователи вообще не любят адвокатов, – подбодрил меня друг. – Мы можем проторчать здесь до вечера, а он тебя так и не примет.

Вопреки прогнозам Бориса, буквально через минуту дверь кабинета открылась и меня пригласили войти. Следователь мне сразу не понравился. Сидя за столом, он что-то строчил на листе бумаги, вложенном в картонную папку, и даже не повернул большую лысую голову в мою сторону. Наконец он закончил писать и обратил ко мне щекастое лицо. Равнодушно выслушав просьбу позволить ознакомиться с делом Мызина, работник прокуратуры окинул меня холодным взглядом и проговорил, протягивая папку с материалами дела:

– Завтра планирую предъявлять обвинение. Не вижу здесь особых проблем. Дело предельно ясное – парень раз-

нервничался, не совладал с эмоциями, что привело к плачевным последствиям. Склоняйте его к признанию – меньше дадут.

– Учту ваши пожелания, – парировала я. И тут же решила поставить Седых на место. – На мой взгляд, всё не так очевидно. Может оказаться, что Мызин невиновен.

– Да что вы говорите? – усмехнулся следователь, тряхнув щеками. – Такого виноватого ещё поискать. Пока я опрашивал других студентов, подозреваемый заперся в туалете и замыл кровь на куртке. А в его сумке был обнаружен кинжал со следами крови, предположительно, потерпевшего. Правда, без отпечатков пальцев, но теперь все стали грамотные, знают, как не оставить на орудии убийства своих следов.

Слушая его разглагольствования, я сосредоточенно пожевала кончик ручки, думая, что бы ему такого ответить, пригладила рыжие вихры и не нашла ничего лучшего, чем произнести банальность:

– Вы не думаете, что парня подставили?

– Начитались палп фикшн, Агата Львовна, – почти ласково проговорил Седых. – Вам мама вашу тёзку вместо сказок читала на ночь?

Он засмеялся своей шутке дребезжащим смехом, а отсмеявшись, продолжил совершенно другим тоном, не предвещающим ничего хорошего:

– Владимир Мызин – не опальный олигарх и не бандитский авторитет, чтобы его подставляли. Вы слишком моло-

ды и романтичны, вот вам и мерещатся всякие глупости. Уж поверьте моему опыту, Мызин и есть убийца.

– А как же принцип «ищи, кому выгодно»? Вы проверяли наследников профессора? – не унималась я.

Следователь довольно хмыкнул и откинулся на спинку стула. В его лысой, как бильярдный шар, голове отражались лампы дневного света, и я, дерзко смотревшая прямо в лицо своему оппоненту, нет-нет да и поглядывала на муху, задумчиво блуждавшую среди нестерпимо ярких бликов.

– Прямая наследница Петра Михайловича Черненко – его родная сестра, разведённая бездетная женщина, – довольным тоном сообщил Седых, покачивая головой из стороны в сторону. При этом отражения ламп скользили по его лысине, как софиты по сцене, по очереди наползая на любопытное насекомое. – И у неё есть железное алиби – дамочка была в театре, никуда не отлучалась с первого до последнего акта, и подтвердить это берутся порядка четырёх человек, сидевших на соседних местах. Других близких родственников, заинтересованных в смерти Черненко, не имеется.

– Я всё равно выясню, кто на самом деле убил профессора, – пригрозила я, не спуская глаз с артистичной мухи. – Нельзя же сажать невиновного человека.

– Это у вас по молодости, – снисходительно улыбнулся следователь и, проследив за моим взглядом, с силой потрянул головой. Неугомонное насекомое покинуло эстрадную площадку и устремилось к потолку. – У нас как у врачей –

сначала каждого пациента через себя пропускаешь, а потом относишься к ним как к рабочему материалу. С возрастом пройдёт. А Мызин виновен, это я вам говорю как сотрудник прокуратуры с десятилетним стажем. Я таких «невиновных» перевидал видимо-невидимо. Так что успокойтесь, госпожа адвокат, и не мешайте мне работать.

– А может, отпустите моего подзащитного под подписку о невыезде? – с надеждой глядя на следователя, на всякий случай спросила я, хотя прекрасно знала, что он мне ответит.

– Об этом не может быть и речи, – отрезал Седых. – Парень наглým образом уничтожает улики, а вы хотите, чтобы я его отпустил? Лучше объясните Мызину, что чистосердечное признание пойдёт ему на пользу.

– Мы ещё посмотрим, что ему пойдёт на пользу, расселись тут, работать не хотят, думают, что дело само собой раскроется, – забирая из рук следователя папку с делом и направляясь к принтеру, бурчала я под нос, в душе рассчитывая, что собеседник меня слышит.

Сделав ксерокопии имеющихся документов, я вышла от следователя, прогнала Бориса на работу и отправилась знакомиться с подзащитным.

В следственный изолятор я поехала не одна, сопровождать меня вызвалась Юля Щеглова. На этот раз невеста подзащитного была без машины и всю дорогу расспрашивала меня о перспективах дела, недоумевая, почему Володю до

сих пор не выпустили под подписку.

— Ну как же они не понимают, что Вова никого не убивал! — вытирая текущие по щекам слёзы, расстраивалась клиентка.

В светлом шерстяном пальто и с собранными в хвостик волосами Щеглова казалась хрупкой школьницей. Искоса поглядывая на пассажирку, я от души жалела бедную девочку, и больше всего в этот момент мне хотелось встать грудью на её защиту, только бы не видеть слёз на милом Юлином лице.

— Но факты говорят об обратном, — осторожно возразила я, опасаясь своими словами расстроить бедняжку ещё больше. — Откуда-то ведь взялся кинжал в сумке вашего жениха. Да и испачканную кровью куртку Володя зачем-то пытался замывать.

— Где он умудрился испачкать куртку? — всхлипывала Юля, сокрушённо качая головой. — И этот кинжал! Откуда он у Вовки? Как вы думаете, Агата, может, кинжал ему подкинули?

— А знаете, Юля, вы можете оказаться правы, — задумчиво протянула я, почёсывая лоб.

Я и сама об этом думала. А вдруг и правда улики подкинули? Мызина я не знала, но, глядя на то, с какой трогательной решимостью отстаивает невиновность друга его девушка, искренне хотела верить, что это именно так.

— Орудие убийства имел возможность подложить в сум-

ку тот же Гарик Миносян, с которым в ту ночь пил в машине водку ваш жених, – рассуждала я. – Миносян вполне мог дожидаться, когда от дома профессора уедет Володя, вернуться и убить несговорчивого преподавателя, после чего отправиться к магазину, увидеть там Мызина, воспользоваться случайностью и во время совместного распития водки подбросить кинжал ему в сумку, попутно испачкав куртку Володи кровью убитого.

– Я вам говорю, Гарик пойдёт на что угодно, лишь бы в армию не идти! – тряхнула кудряшками Юля.

– С другой стороны, я не понимаю, – продолжала я, паркуя машину возле СИЗО, – какой в этом смысл? Не будет Черненко – назначат другого декана. И новый декан точно так же сможет отчислить Гарика из университета.

– Да нет, что вы! – горячо возразила Юля. – Кроме Черненко, принципиальных преподавателей у нас больше нет. Сегодня говорили, что место декана займёт доцент Смирнов. Ему уж точно всё до лампочки. Вон Лидия Сергеевна подъехала, – забеспокоилась девушка, наблюдая, как из кроссовера «БМВ» пятой модели выбирается роскошная блондинка в кожаных брюках и лисьем жилете.

Женщина тоже заметила Юлю, выходящую из машины. Цокая по асфальту шпильками лаковых сапог, Лидия Сергеевна торопливо устремилась в нашу сторону. Я выбралась из-за руля и приготовилась к знакомству с матерью подзащитного.

– Здравствуй, Юленька, – приветливо поздоровалась Лидия Сергеевна, кидая на меня недоверчивые взгляды. – Это твоя подружка? А где же адвокат? Ты говорила, что привезёшь адвоката...

– Я адвокат Агата Львовна Рудь, буду защищать Владимира Мызина, – по всей форме представилась я, не ожидая ничего хорошего от этой дамы.

– Как это вы – адвокат? – словно почувствовав моё настроение, повысила она голос. – Вы что же, думаете, что сможете спасти Володю от тюрьмы? – с истеричными нотками продолжала женщина.

– Вас что-то смущает? – вскинула я бровь, стараясь придать лицу деловое выражение.

– Да это же смешно! – горько произнесла мать Володи. – Юля, кого ты привезла? А впрочем, с кем я разговариваю? Кому я доверила серьёзное дело? Лимитчице из подмосковной деревни!

К чести Юли, она спокойно выдержала град оскорблений, обрушившихся на неё, я даже позавидовала самообладанию клиентки.

– Вова не вас, а меня попросил помочь, – кротко улыбнулась девушка. – И я это делаю так, как считаю нужным. Я навела справки. Адвокатское бюро «Устинович и сыновья» считается одним из лучших в Москве.

– Ни копейки от меня не получите на такого адвоката! – возмущалась Лидия Сергеевна, отступая к авто. – Так Воло-

де и передай – ни копейки!

Сочтя, что знакомство с роднѐй доверителя состоялось и продолжать дальнейшее общение – только терять время, я подбросила на ладони ключи от машины, перекинула через плечо сумку и под ругань Лидии Сергеевны вошла в здание СИЗО.

Подзащитный оказался смазливый юнцом с повадками неудачника и нервными руками скрипача. А может быть, вора-карманника, ведь тонкие артистичные пальцы – отличительная особенность обоих специальностей. Подбородок Владимира зарос рыжеватой щетиной и в сочетании со стильной чѐлкой мог бы делать парня эдаким брутальным мачо, если бы не глаза. Ещё с порога я отметила, что глаза Володи Мызина выражают такую безудержную тоску, что даже мне, не склонной к сентиментальности, захотелось его усыновить. Подобный взгляд бывает у ребёнка, ждущего у окна маму, которая никогда не придѐт. Знакомство с Лидией Сергеевной наводило на мысль, что Владимир и впрямь всё детство проторчал у окошка в ожидании ветреной мамыши, днями и ночами раскатывающей на дорогой машине по важным делам. Безобразная сцена перед СИЗО непроизвольно всплывала в памяти при взгляде на губы парня, которые то и дело кривились, как у обиженного ребёнка.

– Здравствуйте, Владимир, я ваш адвокат, – приветливо поздоровалась я, умело пряча нахлынувшие эмоции. – Зо-

вут меня Агата Рудь, по просьбе Юли Щегловой я буду вас защищать.

– Не надо меня защищать, – буркнул Мызин, дёрнув уголок рта. – Так и передайте Юле. Мне предложили государственного адвоката, он меня вполне устраивает. Пусть Юля деньги не тратит. Может, меня вообще на пожизненное упекут, как она тогда жить будет?

– Почему вы думаете, что вас посадят, ведь вы же не убили декана? – удивилась я. – Или всё-таки убили?

– Я этого не делал! – испугался подзащитный, некрасиво морща лицо. – Но кто мне поверит? Получается, я был последним, кто видел профессора Черненко. Причём общался с ним не самым мирным образом. А на следующий день в сумке, которая всю ночь была в машине, я нашёл кинжал из квартиры Петра Михайловича, а на моей куртке откуда-то взялись кровавые следы.

Из материалов дела я знала, что мёртвое тело обнаружила сестра убитого, приходившая два раза в неделю к одинокому брату, чтобы навести порядок в его холостяцкой берлоге. Заботливая родственница и застала профессора Черненко в бурой липкой луже на полу ванной комнаты. В спине профессора темнела запёкшейся кровью дыра от удара колюще-режущим предметом, предположительно кинжалом. Прилагалось подробное фото коллекции холодного оружия, развешенной на стене гостиной. В центре экспозиции зияло пустое место от предполагаемого орудия убийства. Отпечатки

пальцев на ручке входной двери были видны невооружённым глазом. Как показала экспертиза, принадлежали они подозреваемому. Но не это меня беспокоило.

– Скажите, Володя, а как вы узнали, что ваша невеста у Черненко? Кто вам об этом сказал?

– Гарик и сказал, – бесхитростно ответил подзащитный. – Гарик Миносян. В тот день я помогал ему с продажей машины. Знаете, наверное, одному продавать транспортное средство опасно. Грабят, убивают, деньги отбирают. Сначала мы поехали в Южный порт, пристроили по дешёвке машину. А после продажи я повёз Гарика к Черненко, чтобы он передал профессору деньги. Пётр Михайлович, упырь, вымогал у Гарика взятку, грозился отчислить за неуспеваемость. А кому охота идти в армию?

Парень достал из кармана пачку сигарет, закурил и, нервно теребя в руках зажигалку, продолжал:

– Гарик поднялся к Черненко с деньгами, а я ждал его в салоне автомобиля. Минут через десять Миносян выбежал из подъезда злой как чёрт, орёт, что эта сволочь Черненко отказался брать деньги, намекает, что мало принёс. Я, говорит, в суд на него подам за вымогательство, а Юлька свидетельницей будет. В первый момент я не понял – что он несёт? Какая Юлька? А Гарик гнусно так улыбается – не веришь, говорит, сходи, посмотри, там твоя Юлечка у профессора сидит. В колготках и лифчике. Я, говорит, сам её в приоткрытую дверь кабинета видел.

Я передвинула диктофон поближе к подзащитному и поинтересовалась:

– Какие у вас отношения с Миносяном?

– Да никаких, – поморщился парень, затягиваясь едким дымом и роняя столбик пепла на дорогой кашемировый полувер. – Раньше Юлька встречалась с Гариком, а теперь встречается со мной. А до этого мы с Миносяном, можно сказать, дружили. Гарик в день убийства попросил его по старой дружбе по делам свозить. Сначала в Южный порт, затем на Сокол, к декану. Ну, я и свозил. В общем, Миносян, когда вышел от профессора, психанул и не стал садиться в машину, а пешком пошёл к метро. А я не удержался и поднялся посмотреть, правду ли говорит Гарик. Там бабка какая-то как раз в домофоне код набирала, за ней я и прошёл. Поднялся на этаж профессора, смотрю – дверь не заперта. Я потихоньку заглянул в квартиру, вижу – точно, Юлька. В колготках, и блузка на ней расстёгнута. Я Черненко по роже съездил и поехал в магазин за водкой. Потом напился и ничего не помню.

– Нет, вы уж припомните, с кем вы в ту ночь выпивали? – потребовала я.

– Хорошо вам говорить «припомни», а как это сделать, когда всё из головы вылетело? – жалобно спросил Володя. И, закатив глаза к потолку, начал вспоминать: – Пили мы, кажется, с Гариком. Прямо в машине. Включили «Дорожное радио» и так, без закуски, уговорили литровую бутылку

«Пять озёр». А потом Гарик пошёл домой, он живёт недалеко от университета, на Красноказарменной, а я поднялся к Юлке в общагу, сказать, кто она есть после этого.

Я сделала в блокноте пометку «Миносян», выделив просительными знаками фамилию собутыльника подзащитного, после чего двинулась дальше.

– Когда вы ударили профессора по лицу, кровь была? – поинтересовалась я, припомнив протокол задержания, в котором говорилось, что на верхней одежде Мызина обнаружены следы крови.

– Какая там кровь, – усмехнулся парень, доставая из пачки новую сигарету. – Вы бы видели Черненко! Он же здоровый был, как лось. Да у него под центнер весу, а у меня семьдесят два килограмма вместе с ботинками. Я его так, слегка ладонью задел. Мне же тоже обидно! Юля что, она слабая женщина. Этот гад отлично понимал, что делает.

Я закончила рисовать в блокноте чёртиков и подняла глаза на подзащитного.

– Всё понятно, Владимир Александрович, – официальным тоном проговорила я. – Сейчас я перечислю случайные совпадения, которые мне отнюдь таковыми не кажутся, а вы после этого решите, хотите ли довериться вечно занятому общественному адвокату или всё-таки прибегните к моим услугам. Итак, начнём с того, что Гарик Миносян, Юля Щеглова и вы каким-то загадочным образом оказались в одно и то же время в квартире профессора Черненко, где практиче-

ски при вас было совершено убийство декана. Это первое. Второе – кровь. На вашей куртке обнаружены следы крови, и следствие на сто процентов уверено, что это кровь потерпевшего. Вы же уверяете, что лицо профессору до крови не разбивали, и окровавленного трупа в ванной комнате не видели, и уж тем более к нему не прикасались. Более того, вы говорите, что покинули квартиру потерпевшего, когда он ещё не был трупом. Затем, отпечатки пальцев на ручке входной двери, которые принадлежат вам, Владимир Александрович. Ну и, наконец, кинжал. Где, вы говорите, его нашли? В вашей сумке? Нельзя ли узнать, где вы обычно её храните?

Мызин обхватил голову руками и сидел, уперев локти в стол. Затем он выпростал из ладоней усталое лицо, заложил чёлку за ухо, трясущимися руками достал из пачки «Винстона» очередную сигарету, закурил и, выпустив дым через ноздри, безжизненным голосом заговорил:

– Обычно я храню сумку в машине. И в этот раз она лежала там с пятницы. Я как положил её после занятий на заднее сиденье, так и не трогал. В субботу приехал в институт, взял сумку и пошёл на историю. Немного опоздал – тяжело было вставать с похмелья – поэтому не стал стоять в очереди в раздевалку, а поднялся на этаж прямо в куртке. И уже в аудитории, расстегнув на сумке «молнию», обнаружил в отсеке с ручками окровавленный кинжал. Сначала я не понял, что это такое, просто мелькнула мысль, что я где-то совсем недавно видел эту вещь. Даже пораздовался, что такая краси-

вая штука попала ко мне.

Мызин невесело усмехнулся и, прикурив от окурка старой сигареты новую, продолжал:

– Я, как дурак, подумал, что кто-то по ошибке мне его сунул. А когда пришёл следователь и рассказал про Черненко, меня точно током ударило – вот оно, орудие убийства! Я тут же вспомнил, что видел кинжал на стене в квартире профессора. Он висел между другими подобными и выделялся среди экспонатов коллекции богато украшенной ручкой. Понимая, что всё говорит против меня, я вышел из аудитории и пошёл в туалет, чтобы смыть с кинжала кровь и отпечатки пальцев. И уже там заметил пятна крови на рукаве куртки. Я разделся и начал её замывать. А что мне было делать? Тут меня и взяли.

Всё, что говорил Мызин, походило на детский лепет. Как это взрослый человек ходил со вчерашнего вечера перемазанный кровью и не замечал этого? Хоть бы посмотрел перед институтом, что за одежду надевает! Но, с другой стороны, рассказ Володи может доказывать, что парень невиновен, если он спокойно отправляется учиться, ни сном ни духом не ведая, что за вещичка у него в сумке и что за пятна на куртке. В таком случае он либо блаженный, либо великий хитрец. А что, если Мызин всё-таки убийца, всё просчитал и пришёл к тому же выводу, что и я, решив прикинуться белым и пушистым? Не зная, что и подумать, я недоверчиво посмотрела на подзащитного и осторожно спросила:

– Слушайте, Володя, а вы не сочиняете? Может, вы действительно сгоряча ткнули профессора ножичком в спину?

– Да говорю же, я не вру! – раздражённо тряхнув чёлкой, вспыхнул парень, отбрасывая недокуренную сигарету в угол покрашенного в казённый синий цвет помещения с решёткой на окне. – Я же лучше знаю, убивал я его или нет! Знаете что, Агата Львовна? Не хотите мне верить – не надо! В конце концов, я вас сюда не звал!

Чтобы подавить приступ внезапного гнева, охвативший подзащитного, я успокаивающе дотронулась до его руки и невозмутимо заметила:

– Отлично, примем как аксиому, что вы говорите правду. Если вам интересно моё мнение, то вас, говоря обывательским языком, кто-то подставляет. Мне кажется, я могла бы вам помочь.

Некоторое время лицо парня выражало нерешительность, граничащую с отчаянием, но под моим пристальным взглядом он сдался.

– Ну ладно, если всё так хреново, защищайте, – махнул рукой Мызин. – Только на заоблачный гонорар можете не рассчитывать – я у Лиды из принципа денег не беру. Юлин отец хорошо зарабатывает, но у него одалживаться я тоже не собираюсь.

– Кстати, Володя, почему вы называете свою мать Лидой? – заинтересовалась я, убирая диктофон в сумку.

– Лида мне не мать, а тётка.

– Вы живёте с тёткой? – Я попыталась дружескими интонациями смягчить недоверие, прозвучавшее в голосе. – А где ваша мать?

– Мать я никогда не видел, да и не очень-то хотелось, – хмыкнул подзащитный. – Не знаю, может, её уже и на свете нет.

– И что же, вы ни разу маму найти не пытались? – снова не поверила я.

– Ни разу, – в первый раз за всю встречу твёрдо глянул на меня Мызин. – Лида рассказывала, что мать меня в годик ей подбросила, отдала, как ненужную вещь. Зачем я буду искать эту женщину? У меня есть Юля. На Рождество мы поженимся, Юля родит мне много детишек, у нас будет настоящая семья, не такая, как у Лиды. И вообще, хватит об этом. Я устал. Скажите конвою, пусть меня отведут в камеру.

За воротами СИЗО меня поджидала Юля Щеглова.

– Ну что, Агата? Как там Вовка? – нетерпеливо спросила она.

– Очень даже ничего, вполне симпатичный, – одобрила я выбор клиентки.

– Знаю, что симпатичный, – улыбнулась Юля. – Скажите, когда мне разрешат его увидеть? Завтра можно? Я бы приехала...

– Можно и завтра, – великодушно разрешила я. – На вывеске указаны приёмные часы изолятора.

– Я их уже записала, – похвасталась невеста обвиняемого.

– Вот и отлично, – улыбнулась я.

И тут же подумала, что раз уж я взялась защищать ревного студента, то было бы неплохо определиться с линией защиты. А для этого нужно провести небольшое расследование.

– Кстати, Юля, вы не проводите меня в институт? – обратилась я к клиентке. – Вы, кажется, хотели успеть ко второй паре? Заодно покажете мне Гарика Миносяна. Похоже, пришло время познакомиться с этим молодым человеком.

Столичный гуманитарный университет возвышался белоснежным лайнером на фоне Лефортовского лесопарка, походившего на изумрудную морскую гладь. Рассматривая старинные колонны и портики главного корпуса, я вспоминала почерпнутые из Интернета сведения. Учебное заведение было основано в Лефортовском особняке графа Уварова сразу же после революции и с тех пор выпустило немало классных специалистов разных гуманитарных наук. Дипломы университета пользовались уважением в России и за рубежом, поэтому учиться в вузе было не только престижно, но и недорого.

Мы с Юлей быстрым шагом шли по центральной аллее университетского парка, когда у главного корпуса учебного заведения заметили машину телевизионщиков. Оператор с телекамерой поводил объективом из стороны в сторону, снимая панораму, а напротив него прохаживалась похожая

на мальчика женщина с микрофоном в руке и, захлёбываясь словами, говорила:

– Убийство декана факультета истории Столичного гуманитарного университета профессора Черненко потрясло студентов и преподавательский состав...

– Знай они, что мимо них проходит адвокат подозреваемого и его невеста, нам бы наверняка пришлось давать интервью, – шепнула Щеглова. – Агата, вы как насчёт этого?

– Как-то не расположена, – отозвалась я.

– А может, перейдём на «ты»? – предложила Юля, пропуская меня вперёд и неспешно поднимаясь следом по ступенькам крыльца. – А то «вы», да «вы», даже неудобно, мы ведь почти ровесницы.

– Давай, – легко согласилась я и, с усилием потянув массивную дверь первого корпуса, шагнула через порог.

В просторном мраморном холле стояла гулкая тишина – пара только что началась. На доске объявлений, рядом с гардеробом, в траурной рамке висела фотография плотного мужчины в очках. Под портретом покоились две гвоздички, перевитые чёрной лентой. Пространный некролог сообщал, что декан факультета истории профессор Черненко трудился в этом учебном заведении всю жизнь, он здесь учился, набивал опыт преподавания и практику научной работы. Далее говорилось, что перу покойного принадлежат монографии по истории древних поселений в Сибири и на Дальнем Востоке. Кроме того, имеются обширные научные исследо-

вания по результатам этнографической экспедиции в Пермь. Завершался некролог соболезнованиями родственникам погибшего и заверениями в том, что общественность университета скорбит об утрате.

Пока я топталась в холле, изучая некролог, Юля успела подняться в аудиторию. Я хотела было двинуться за ней, но не решилась врываться на лекцию и вытаскивать с занятий Миносяна. Коротая время до перемены, неспешно поднималась на третий этаж. Пользуясь свободной минуткой, я намеревалась побеседовать с сотрудниками деканата и узнать у них как можно больше о профессоре Черненко.

В деканате полная неприветливая женщина сосредоточенно стучала по клавишам компьютера, заполняя таблицы.

– Добрый день, – учтиво поздоровалась я. – С кем я могу поговорить по поводу успеваемости Гарика Миносяна?

Женщина оторвалась от работы и одарила меня хмурым взглядом.

– Вы что, издеваетесь? – тихо начала она. По мере того как сотрудница деканата продолжала говорить, голос её крепчал и наливался силой: – Я всё объяснила! Я же сказала – мы не собираемся выгонять вашего Гарика! Так своим родственникам и передайте!

– Я адвокат Владимира Мызина, – делая руками успокаивающие жесты, миролюбиво представилась я, понимая, что меня приняли за кого-то другого. – Я вовсе не родственница Миносяна. Меня интересует, стоит ли вопрос об отчислении

Гарика.

– И вы туда же! – снова вспыхнула собеседница. – Я же сказала, ни о каком отчислении речь не идёт. У Миносяна всего две задолженности – по истории и античной литературе. У нашего университета другая политика. Студенты платного отделения оплачивают пересдачу экзамена и могут пересдавать столько раз, на сколько хватит денег.

– А Миносян уверяет, что покойный профессор Черненко вымогал у него взятку, угрожая отчислить за неуспеваемость, – невинно заметила я, наблюдая за реакцией собеседницы.

– И родственники Миносяна то же самое заявили, – фыркнула женщина. – Нам, говорят, перед роднёй будет стыдно, если мальчика выгонят. Родственники скажут – Миносяны денег пожалели. А мы, говорят, даже машину Гарика разрешили продать, чтобы он декану взятку дал, и тот его не выгонял из университета. А теперь профессора нет, может, кому ещё денег дать? Адрес вот оставили, чтобы я передала кому надо.

Дама в сердцах скомкала лежащую на столе бумажку и швырнула в мусорную корзину. Но, поскольку корзина стояла по другую сторону стола, женщина промахнулась, и бумажный комок упал в непосредственной близости от моей ноги. Упускать такой шанс было глупо, я нагнулась и подняла бумажку с пола, припомнив слова деда о том, что в деле может пригодиться самая неожиданная информация.

Расправившись с адресом докучливых посетителей, собеседница возмущённо передёрнула плечами и виновато улыбнулась.

– Вывели из себя эти Миносяны, – словно оправдываясь, проговорила она. – Я знала Петра Михайловича не один десяток лет. Никогда Черненко не стал бы брать у студента деньги.

– А склонять к интимной близости приглянувшуюся студентку? – срезала я тётку каверзным вопросом.

Опыт общения с самыми разными людьми подсказывал, что верный способ услышать правду – это заставить собеседника врасплох. Поэтому я частенько применяла коварный приёмчик, ставя оппонента в тупик и добиваясь желаемого. Правда, иногда уловка не срабатывала, и на меня бросались с кулаками. Тогда приходилось вспоминать, что в школе я имела первый юношеский разряд по лёгкой атлетике, и прилагать все усилия, чтобы уйти от негодующих преследователей. Но в этот раз испытанный метод не дал осечки.

Женщина вздрогнула и сердито уточнила:

– Это вы про Лизу Исаеву?

– Допустим, – не стала спорить я.

Толстушка тут всех знает, и ей виднее, с кем был близок покойный профессор.

– Тут ещё надо разобраться, кто кого склонял, – многозначительно прищурилась сотрудница вуза. – Я в буфете своими глазами видела, как Исаева вешалась на шею Петру Ми-

хайловичу и целовала его. Может, конечно, у современных девиц так принято здороваться, но, на мой взгляд, Лиза явно заигрывала с профессором Черненко.

Наблюдая возмущение собеседницы и её праведный гнев, я сделала вывод: коллега убитого декана сама была неравнодушна к профессору и поэтому решила, что словам её целиком и полностью доверять нельзя.

– Если вопросов больше нет, разрешите мне вернуться к работе, – церемонно проговорила моя собеседница, поворачиваясь к компьютеру.

– Ещё минуточку, – взмолилась я.

Нельзя же упускать возможность навести справки о деле двадцатилетней давности, раз уж представился случай поболтать со старожилкой университета!

– Вы случайно не помните такую Глаголеву? – спросила я уверенно и твёрдо, как будто и в самом деле имела представление, о чём веду речь. – В девяносто первом году она работала лаборанткой в университете. С Глаголевой связана неприятная история, коснувшаяся Петра Михайловича...

– Не помню, – отрезала та и с головой погрузилась в электронные таблицы.

Я вышла из деканата и побрела по коридору, перебирая в голове полученные сведения. Получается, что Гарика из университета никто не выгонял и взятку не вымогал, он продал машину и понёс деньги профессору. Возможно, дело тут вовсе не в отчислении, и Миносян пытался заплатить покой-

ному за что-то другое. А может, профессор в самом деле не знал ни о каких деньгах, и Гарик затеял продажу машины только для того, чтобы показать друзьям, что и у него есть повод заявиться в дом к Черненко? Предположений в голове крутилось великое множество, и каждое из них имело право на существование.

До конца второй пары оставалось сорок минут, и я подумала, что было бы неплохо ознакомиться с печатными трудами покойного профессора. Бывает, что разгадка преступления кроется в работе убитого, хотя, похоже, это не тот случай. Пройдя до конца по коридору, я упёрлась в дубовую дверь с золочёной надписью «Библиотека». Стараясь не шуметь, открыла тяжёлую створку и зашла внутрь. В читальном зале было сумрачно и прохладно. Пахло старыми газетами и книжной пылью. Сидя за столами, студенты трудолюбиво штудировали брошюры, журналы, принтерные распечатки и прочие дидактические материалы, которыми богат каждый институт. Я приблизилась к молоденькой девушке за стойкой библиотекаря, предъявила адвокатское удостоверение и осведомилась:

– Скажите, могу я посмотреть монографии и статьи профессора Черненко?

– Сейчас принесу, – ответила библиотекарша, скрываясь за высокими полками, заставленными литературой.

Получив нужные книги, я выбрала укромное местечко у окна и удобно расположилась за столом. Монографии изоби-

ловали всевозможными научными терминами и, на мой взгляд, особого интереса не представляли. Вяло листая отчёт об экспедиции в Пермь, я разглядывала снимки украшений и черепков из древних раскопок, с нетерпением посматривая на часы и ожидая конца второй пары. Честно говоря, история Перми меня никогда не увлекала. Вот если бы Черненко был преподавателем литературы и специализировался на творчестве отца детектива Эдгара По, дело пошло бы веселее. Но нам, адвокатам, выбирать не приходится, нужно работать с тем, что есть. Прозвенел звонок, который я восприняла как избавление от тяжкой повинности, сдала книги и, с облегчением вздохнув, отправилась искать Гарика Миносяна.

Студент обнаружился в буфете. Вернее, сначала моё внимание привлекла светлая Юлина головка. Невеста Мызина сидела в компании ребят за угловым столиком, пила кофе и ела булочки. Едва приблизившись к клиентке, я поняла, что крепкий парень с широкими скулами, расположившийся на соседнем с Юлей стуле, и есть Гарик Миносян.

– Знакомьтесь, это адвокат нашего Вовки Агата Рудь, – представила меня Юля. – А это Лиза, Виталик и Гарик. Гарик, ответь, пожалуйста, Агате Львовне на пару вопросов.

– Я уже следователю всё рассказал, – неприветливо буркнул скуластый студент.

– И всё же я бы хотела с вами поговорить, – настойчиво

произнесла я, демонстрируя, что тоже умею делать недовольное лицо. – Давайте пересядем за соседний стол, чтобы не мешать вашим друзьям.

Миносян хмыкнул, морща курносый нос, подхватил недопитую чашку и недоеденный бутерброд и, всем своим видом выражая презрение, направился к дальнему столику. Я подмигнула Юле, давая понять, что всё под контролем, и двинулась за ним. Устроившись за столом напротив собеседника, я приступила к опросу.

– Гарик, расскажите, пожалуйста, почему вы решили дать взятку профессору Черненко? Он вам намекал? Лично просил денег? – рисуя в блокноте поющую черепашку, осведомилась я.

– Пётр Михайлович не просил, а вот Исаева кое-что говорила, – пробормотал Гарик, впиваясь зубами в хлеб с колбасой.

– И что именно? – допытывалась я.

– Вы, может быть, не в курсе, – ехидно начал Миносян, демонстративно пережёвывая пищу, – а у нас все знают, что Лиза спала с деканом. Кому же, как не ей, исполнять деликатные поручения профессора?

– Про отношения с профессором вам тоже Исаева рассказала? – подколола я сплетника.

– Зачем рассказывать? – не понял намёка студент, продолжая уплетать бутерброд. – У меня глаза есть. Исаева же от Петра Михайловича не отходила, так к нему и липла.

– А что декан?

– Профессор давал понять, что у них ничего нет, – терпеливо объяснял непонятливой адвокатессе осведомлённый Миносян. – Черненко ведь нельзя путаться со студентками, он декан. Но довольную физиономию от людей не скроешь. Он так и сиял, как тульский пряник. Было видно, что влюбился.

– Почему вы попросили помочь с продажей машины именно Мызина, а не кого-то другого? – не отставала я. – И к профессору поехали именно к девяти часам вечера, а не к восьми и не к одиннадцати?

– Почему попросил помочь Мызина? – переспросил доевший бутерброд Гарик, всё больше раздражаясь. – У Вовика есть связи в Южном порту, вот почему. А к девяти мы поехали, так как мне лично позвонил профессор Черненко и сказал, что ждёт меня именно к девяти, а не к восьми и не к одиннадцати. Я понятно говорю?

Одним глотком однокурсник подозреваемого допил кофе, пустую чашку отставил на середину стола и теперь сидел, развалиясь на стуле и ожидая дальнейших вопросов.

– В самом деле? Вы ничего не придумываете? Вам позвонил профессор? – ехидничала я. – В таком случае в журнале вызовов вашего телефона должен был сохраниться номер Петра Михайловича. Не могли бы вы мне его продиктовать?

– Да запросто, – усмехнулся парень, просматривая список входящих звонков. – Вот, пожалуйста. Записывайте.

И Миносян назвал мне цифры. Чтобы подловить парня, я тут же перезвонила по номеру, желая убедиться, что трубку не снимет один из приятелей Гарика, однако вызываемый абонент был вне зоны действия сети. Это могло означать как то, что парень не соврал и названный им номер мобильного телефона действительно принадлежит убитому профессору, как и то, что кто-то из знакомых Гарика, может быть, даже он сам, давно не пользуется сим-картой с этим номером и её за ненужностью заблокировали. Решив в самое ближайшее время проверить полученные сведения, я спрятала ехидство за нарочитой деловитостью и задала следующий вопрос:

– Скажите, Гарик, когда вы пили водку в машине Мызина, вы видели на заднем сиденье сумку с учебниками?

– Что за чушь вы говорите? Я не пил водку с Мызиным, – округлил он глаза, переставая играть телефоном.

– Значит, вы ушли из квартиры профессора и больше туда не возвращались? – поинтересовалась я, вынимая из сумки полиэтиленовый пакет и осторожно беря им общепитовскую чашку, из которой пил Миносян.

– Да говорю же, нет! – наблюдая за моими манипуляциями, мотнул головой студент. – Что вы делаете? Зачем это?

Я бережно убрала трофей в сумку и, улыбнувшись акульской улыбкой, проговорила:

– Экспертиза установит, есть ли отпечатки ваших пальцев на бегунке «молнии» сумки моего подзащитного посредством этой чашки. Вы же не будете отрицать, что брали её

в руки?

– Проверьте, если не верите, – скрипнул зубами мой собеседник, рывком поднимаясь со стула и вразвалку направляясь к выходу из буфета.

Оставшись за столом одна, я удовлетворённо улыбнулась. Вызвать в рядах противника панику и заставить его совершить ошибку – вот результат, которого я добивалась. Без ложной скромности скажу, что ещё в студенческие годы, решая задачи по специальности, я поражала преподавателей дерзостью мысли и нетривиальным подходом. Я злорадно проводила взглядом спину врага до дверей буфета, оглядела многолюдный зал и стала думать, в каком направлении мне двигаться дальше.

Жизнь в институтской кафешке бурлила вовсю. За соседними столами молодые люди что-то горячо обсуждали, показывая друг другу записи в конспектах, делились впечатлениями и флиртовали. Задержавшись взглядом на столике Юли и её друзей, я решила получше присмотреться к Лизе Исаевой. Именно о Лизе упоминала сотрудница деканата, уверяя, что Исаева не даёт проходу профессору Черненко. И вот теперь имя Лизы снова всплыло в связи с убитым деканом. Я неторопливо поднялась из-за стола, купила в буфете чашку кофе и под села к ребятам.

– Ну как, Агата? Ты поговорила с Миносяном? Что он сказал? – по-детски распахнув глаза, с любопытством спросила

Юля.

Кудрявую прядь волос она накручивала на указательный палец, а это был верный признак того, что девушка волнуется.

– Гарик сказал, что не пил спиртного в машине Володи, – пытаюсь разобраться в чувствах клиентки, откликнулась я.

– Врёт, – выдохнула сидевшая рядом с Юлей худощавая девица с густо подведёнными глазами. Чёрные как смоль волосы, достающие до пояса, и злое выражение лица делали её похожей на пиковую даму.

– Лиз, откуда ты-то знаешь? – удивилась Юля, перестав крутить волосы.

Я отметила про себя, что пиковая дама и есть Лиза Исаева, а та сверкнула злыми глазищами и проговорила:

– Да потому, что видела Миносяна в авто Вовки. Ходила ночью в магазин за пепси-колой и заметила «Мазду» Мызина, а рядом с ним на переднем сиденье развалился Гарик и пил водку. А когда я вышла из магазина, в машине был уже один только Вовка. Я, между прочим, Вовочку твоего до общаги довела, а дальше уже он сам пошёл, своими ножками, чтобы ты, Юль, не очень ругалась.

В голосе девушки явственно прозвучала затаённая ревность, но Лиза быстро взяла себя в руки и, справившись с нахлынувшими эмоциями, миролюбиво заметила:

– Даже после того, как застукал тебя у профессора, Вовка всё равно не хотел тебя расстраивать.

Обличив Миносяна во лжи, Исаева сделала презрительное лицо и поправила длинную чёлку, заколотую набок многочисленными невидимками с алыми стразами.

– Ну ладно, вы тут болтайте, а я пошла, – поднимаясь с места, сухо проговорила она. Ярко-жёлтая вязаная шапка с ушками, заканчивающимися шерстяными косами, упала ей под ноги. Лиза подняла шапку с пола, отряхнула и глубоко натянула на голову.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.